

РОЛЬ СНОВИДЕНИЯ В "ЭЛЕКТРЕ" СОФОКЛА

*Теперик Тамара Фёдоровна,**д-р филол. наук, проф.**Московский государственный университет**имени М. В. Ломоносова, Россия*

В статье рассматривается роль мотива сновидения в трагедии Софокла "Электра" в сравнении с другими аналогичными версиями. Делается вывод о том, что хотя мотив сна у Софокла имеет меньшее значение для развития сюжета трагедии, анализ его содержания и функции, а также интерпретация сна персонажами трагедии показывают, что драматургическая роль мотива сна от Эсхила к Софоклу увеличивается.

Ключевые слова: поэтика, сновидение, трагедия, мотив, персонаж.

Наиболее распространенная точка зрения о сновидении в "Электре" Софокла звучит так: "Что касается зловещего сна Клитемнестры, который в "Хоэфорах" служил для Ореста ... благоприятным предзнаменованием, то в "Электре" он является только средством для того, чтобы посланная с возлияниями дочь Агамемнона обнаружила на могиле прядь волос и сделала вывод (который тут же будет отвергнут как несостоятельный) о возвращении Ореста" [Ярхо 1990, 78]. Сон в трагедии Эсхила своим содержанием опирался на Стесихора, но только у Стесихора Клитемнестре снился змей с окровавленной головой, превращающийся затем в царя Агамемнона, а у Эсхила змея становится порождением уже её самой. Кровь в сновидении в "Хоэфорах" также сохраняется, но появляется лишь после того, как Клитемнестра покормит эту змейку грудным молоком, спеленав прежде как ребенка. Этот сон интерпретируется как посланный жертвой сновидца, (то есть – Агамемноном), поэтому на могилу посылают поминальные дары, чтобы отвратить пагубное действие этого сновидения. Сообщается о нём уже в пародии хора, а позже, Орест, узнав о содержании сна, сочтет змеей себя (Choe, 549), и затем мотив сна возникнет лишь в сцене – убийства, когда его смысл откроется и Клитемнестре: "Я родила змею". Толкования эсхилевских героев, таким образом, связаны с событиями: Орест видит в сновидении соответствие оракулу, Клитемнестра – "смерти" сына. Итак, мотив сна, возникнув в монологе, дважды повторится в диалоге [Гаспаров 1979, 148], что лишний раз доказывает его драматургическую значимость, но действительно ли менее выразительна роль сна в трагедии Софокла [Devereux 1976, 236]. Там рассказчик о сне – сестра Электры, Хрисофемида, в отличие от эсхилевского хора, не только не принимающая участия в возмездии, но и убеждающая отказаться от него героиню. Содержание сна также опирается на стесихоровскую версию, но не в первой, а во второй её части: Клитемнестре снится не змей, а сам Агамемнон, ударяющий скипетром в очаг, отчего повсюду в Микенах распространяются мощные побеги растительности, на этот раз с дарами на могилу посылают не Электру, а её более послушную сестру – Хрисофемиду, хор же на содержание сновидения откликается лишь в самом общем виде (что, как правило, объясняется меньшей ролью софокловского хора в драматическом действии), но можно ли все это считать свидетельством уменьшающейся роли сновидения? Если проанализировать не только содержание сна, но и все детали, связанные с его изображением, отклики персонажей, место в сю-

жете, то такой вывод далеко не столь очевиден. Композиция, правда, свидетельствует, в пользу меньшей значимости сна, так как в отличие от "Хоэфора", где мотив сна возникает и в начале, и в середине, и в конце действия, у Софокла он ограничивается, по существу одной лишь серединой трагедии.

Кроме того, содержание сна у Софокла не становится предметом таких однозначных интерпретаций, как в "Хоэфорах", о нём ничего не говорит герой, осуществляющий возмездие, то есть Орест, который появится не в начале, как у Эсхила, а почти в самом конце действия. Для чего же тогда этот сон, имеющий параллели со сном Астиага у Геродота, где Азия покрывается виноградной лозой, выросшей из лона его дочери Астиага? Почему эсхиловско-Стесихоровской версии Софокл предпочел другую, где нет прямой угрозы жизни сновидца? Заметим, что у Геродота снотолкователи интерпретировали сон так: сын Манданы будет царствовать вместо её отца. То есть это, прежде всего, сон о власти, и эту тему у Софокла усиливает скипетр. И хотя очаг, по Артемидору, может символизировать еще и супруга, и сон, таким образом, может означать угрозу Эгисфу, но всё это еще не витальная угроза, как у это имело место у Стесихора и Эсхила, то есть не угроза для жизни сновидца.

Наоборот, образы в сновидении "Электре" скорее связаны с жизненными силами, ростом, движением, и содержание сна, таким образом, не просто отклоняется от предшествующих вариантов, но в определенном смысле с ними полемизирует.

Ритуальных действий сновидца тоже больше, чем у Эсхила, у Софокла Клитемнестра, не ограничиваясь посылкой даров и утренней молитвой Гелиосу, обращается еще и с дневной молитвой к Аполлону, где просит бога обратить этот сон против ее врагов, если он сулит ей беду, и исполнить его – если он ей во благо. В чем и заключается основное отличие от Геродота, где благоприятного сценария для сновидения Астиага никто не предполагал. Но независимо от того, признавать ли за сном Клитемнестры божественное происхождение, или нет, смысл его состоит в предсказании власти потомков того, кто совершает в сновидении действия со скипетром, вонзая его в очаг.

Но если, в отличие от Эсхила, в словах Клитемнестры нет явного толкования, это не означает, что в них нет скрытой интерпретации, поскольку, как это следует из её слов, присутствие дочери не позволяет ей выразиться так, как того хотелось бы. В отличие от героев Эсхила, понимающих сон одинаково, у Софокла Клитемнестра понимает его как "двойкий, двойной". В чем заключается эта амбивалентность? Прежде всего в том, что наследовать власть могут не только дети Агамемнона, но и дети Эгисфа, что вытекает из ее собственных слов.

Электра же, полагая что это сновидение послано Агамемноном, надеется на его благоприятный смысл для его детей. И поскольку Клитемнестра надеется на надежду другим её детям, налицо конфликт в понимании сна двумя главными персонажами, отчего драматический эффект сновидения вряд ли снижается. Понимая, что этот сон может быть сигналом опасности (потому, что в нём появляется убитый супруг, не говоря уже о действиях со скипетром), Клитемнестра, тем не менее, хочет видеть в нём и позитивный смысл: "потомки того, кто владеет скипетром, и не в сновидении, а НА МОМЕНТ сновидения, будут владеть Микенами". Агамемнон ведь не появляется со своим скипетром, он только берет скипетр, который на момент действия находит-

ся у Эгисфа, о чем упоминается не случайно. Поэтому можно понять и в пользу детей Эгисфа, о которых вспоминает и сама Электра, упрекая мать в том, что, в отличие от законных детей, лишь они одни составляют предмет её забот.

Сон, таким образом, отвечает на вопрос, смогут ли эти дети, от Эгисфа унаследовать и власть, и согласно второму, благоприятному для Клитемнестры пониманию смысла сна, это вполне вероятно. Рассмотрим возможности для такого понимания.

1. Этот смысл мог быть изначально заложен в сновидении, просто никто, ни хор, ни Электра, ни Хрисофемида, его не заметили, не поняли. Иными словами, все они увидели только то, что хотели увидеть.

2. У данного сновидения есть только один смысл – в пользу потомков Агамемнона, и Клитемнестра, наделяя его выгодным для себя значением, попросту фальсифицирует смысл сна. То есть, в обоих случаях те, кто толкуют сон, игнорируют его подлинный смысл, приписывая ему благоприятное для себя значение. Различается, следовательно, лишь личность интерпретаторов, но не их позиции.

3. Третья возможность, *casus irrealis*. Согласно её и второй смысл был бы возможен, если бы второй владелец скипетра, то есть Эгисф, обладал им по праву. Так как если некто осуществляет действия с предметом, принадлежащим когда-то другому владельцу, а на момент сновидения владеет им на законном основании, то все благоприятные события, происходящие от этих действий, могут трактоваться в пользу этого, последнего владельца. А события, когда от скипетра идут растущие побеги, заполняющие собой Микены, конечно, благоприятны. Вопрос лишь в том, для кого.

В этом и заключается главный пункт расхождений в понимании сновидения, так как в случае легитимного владения Эгисфа скипетром Агамемнона благоприятное для Клитемнестры значение данного сна также было бы допустимо. Но даже если Эгисф является законным супругом Клитемнестры, в контексте предшествующих событий, то есть в контексте захвата власти, отнятой путем преступления, это невозможно. В чём и состоит агон Клитемнестры и Электры: мать признаёт своё право на убийство, дочь её такого права лишает. Вот почему и сам сон, о содержании которого они друг с другом совершенно не говорят, понимается ими по-разному: Клитемнестра, доказывая правомерность убийства Агамемнона, полагает, что законные наследники – они с Эгисфом. Следовательно, и их дети тоже.

Для Эсхилосской Клитемнестры такого вопроса не было, потому что вместе с возмездием она теряла и жизнь и власть. Но кроме детей от Агамемнона, других детей у неё не было, а у софокловской – они есть, поэтому вопрос, беспокоящий Клитемнестру Софокла, в связи с её сном, состоит не в том, будет ли отомщено убийство Агамемнона, а в том, будут ли её дети, от Эгисфа, обеспечены властью. Как ни страшилась эсхилосская Клитемнестра прихода Ореста, другого сына у неё не было, поэтому его мнимая смерть вызывает у неё смешанные чувства, и радость побеждает не только в силу кровожадности натуры, но и потому, что гибель Ореста обеспечивает ей безнаказанность. Не случайно в Софокловской версии мифа не Клитемнестра, а Электра спасала Ореста, передавая его Строфию на воспитание. Зачем об этом сообщается в трагедии, как не для того, чтобы показать, что уже тогда сын Агамемнона предметом забот матери не был? И поскольку для софокловской Клитемнестры гибель Ореста – это не только дальнейшая безнаказанность пре-

ступления, но ещё и безнаказанная власть, и не только её, но и их с Эгисфом детей, при всем присущем ей лицемерии она не может скрыть радости от известия о гибели сына. Поэтому сокровенный смысл её молитвы, хотя она всячески стремится его от Электры утаить, понять можно только в контексте того, о чем она умалчивает (El. 657), надеясь на то, что божество, в отличие от дочери, её поймёт: если смерть Ореста может сохранить власть для её детей, значит, надо, чтобы его не было в живых. Драматизм ситуации усиливается еще и тем, что Электра о содержании сна Клитемнестры знает, но та не знает, что она знает, и это тоже вряд ли можно считать доказательством меньшей художественной значимости сновидения, пусть даже о нём самом в споре, где аргументация сторон сталкивается с такой силой, не сказано ни слова. Сама молитва Клитемнестры, при наличии уже двух ритуальных действий, выглядела бы избыточной, если бы значение сна как драматургического приёма действительно уменьшалось в трагедии Софокла. На самом деле художественная роль сна не уменьшается, она изменяется, в связи с иными художественными задачами, связанными и с иным развитием сюжета, и с образами персонажей, отличными от эсхилловских, поскольку сюжетная традиция определяет лишь ход событий, но не природу конфликта. Как и в других случаях у Софокла, это конфликт – между истинным и ложным [Ярхо 2000, 166], тем более опасный, что это касается правителя, полагающего, что благодаря власти он определяет, что истинно, а что – нет. Конечно, побег, возникшие от удара Агамемнона, в первую очередь должны указывать на потомков Агамемнона. Но если в действительности этим скипетром владеет Эгисф, то ведь это могут быть и дети Эгисфа? А раз так, то с божеством стоит попробовать договориться. Что, собственно, Клитемнестра и делает, прямо на глазах у дочери, и двойственный, двуличный характер этой героини акцентируется и тем, как она понимает свой сон. Таким образом, значение и интерпретация этого сна связаны, как и часть эпических сновидений, с психологической семантикой [Теперик 2011, 359], с чувствами персонажей, так как эсхилловская Клитемнестра просила секиру, чтобы отражать удары мстителей, но смерти для своего сына у бога она всё же не просила. Это, в молитвенной реакции, в завуалированной форме, делает Клитемнестра Софокла, потому что только так может осуществиться благоприятное для других её детей исполнение сновидения, в котором нет угрозы для сновидца, но его интерпретация показывает, что того, в ком сновидец видит угрозу для себя. Как это, кстати, было в случае с Астигом, который, узнав о толковании сна, отдал приказ умертвить внука. А поскольку Клитемнестре отдать такой приказ некому, ей только и остаётся что просить об этом бога. Молиться в присутствии дочери о том, чтобы бог послал смерть сыну – вот где причина жестоких слов "безжалостной" Электры, обращенных к Оресту, наносящему удары матери: "Коль ты силен, еще раз!". Эсхилловского Ореста в необходимости возмездия убедил сон Клитемнестры, софокловскую Электру – такая интерпретация этого сна матерью, которая обрекала на смерть ее брата, потому что живой Орест, конечно, пытался бы вернуть скипетр Агамемнона. Что он в собственно, и делает. Иначе для чего Клитемнестре молиться о его смерти в присутствии дочери? И для чего Электре понимать, о чем та молится? Ведь понимает она это только потому, что знает о содержании сна матери, что тоже трудно считать доказательством меньшей значимости мотива сновидения в трагедии Софокла.

Сон там не меньше связан с сюжетом и конфликтом, он не менее, а более "драматичен", поскольку конфликт, в сравнении с Эсхилом, иной, и за время между постановками двух трагедий, проблема сохранения власти, полученной незаконным путем, стала иметь большее значение для более поздней из двух трагедий. И более страшной, потому что если у Эсхила сын по велению Аполлона карает мать, то у Софокла мать в молитве тому же Аполлону фактически обрекает на смерть сына. Во всяком случае, роль мотива сновидения в "Электре" Софокла при кардинальном изменении его содержания, смысла, функции, и характера толкований свидетельствует именно об этом.

Таким образом, задолго до Артемидора [Нахов 1986, 89–90; Штаерман 1989, 1391], в трагедии Софокла содержится понимание того, что для верной интерпретации смысла сна знания только его содержания недостаточно. Для истинного его понимания необходим контекст, знание всей ситуации, сопутствующей сну, а при всем сходстве сюжета та, что изображена в "Электре", отличается от той, что имела место в "Хоэфорах". Поэтому так отличаются сны, их содержание и интерпретации персонажами трагедии, то есть всё то, что и составляет поэтику сновидения.

Теперік Т. Ф., д-р філол. наук, проф.

Московський державний університет імені М.В. Ломоносова, Росія

Роль сновидіння в "Електрі" Софокла

У статті розглядається роль мотиву сновидіння у трагедії Софокла "Електра" порівняно до інших аналогічних версій. Робиться висновок, що, хоча мотив сновидіння у Софокла має менше значення для розвитку сюжету трагедії, аналіз його змісту та функції, а також інтерпретація сновидіння персонажами демонструють, що драматургічна роль мотиву сна від Есхіла до Софокла не зменшується, а зростає.

Ключові слова: поезика, сновидіння, трагедія, мотив, персонаж.

Teperik T. F., Ph. D., Full Professor

Lomonosov Moscow State University, Russia

Artistic Function of Dream in Sophocles' "Electra"

The article analyses the function of the dream motive in Sophocles' "Electra" in comparison with other interpretations. The author concludes that though the dream motive is of less importance for the tragedy's plot development, the analysis of its content and function as well as its interpretation by other characters of the tragedy demonstrates that the dramatic function of such a motive is of greater importance for Sophocles than for Aeschylus.

Key words: poetics, dream, tragedy, motive, character.

Література:

1. Гаспаров, М. Л. Сюжетосложение греческой трагедии / М. Л. Гаспаров // Новое в современной классической филологии. – М., 1979. – С. 126–166.
2. Нахов, И. М. Онейрокритика Артемидора – историко-культурный памятник поздней античности / И. М. Нахов // Вопросы классической филологии. – М., 1987. – № 9. – С. 89–102.
3. Теперик, Т. Ф. Психологизм в сновидениях античного эпоса / Т. Ф. Теперик // Художественная антропология. Теоретические и историко-литературные аспекты: Материалы междунар. науч. конфер. "Поспеловские чтения". – М., 2011. – С. 354–361.
4. Штаерман, Е. М. Сонник Артемидора как исторический источник / Е. М. Штаерман // ВДИ. – 1989. – № 3. – С. 138–149.
5. Ярхо, В. Н. Античная драма: технология мастерства / Виктор Ноевич Ярхо. – М. : Высшая школа, 1990. – 144 с.
6. Ярхо, В. Н. Древнегреческая литература. Трагедия / Виктор Ноевич Ярхо. – М. : Лабиринт, 2000. – 352 с.
7. Devereux, G. Dreams in Greek Tragedy / George Devereux. – Berkeley. : Univ. of Calif Press, 1976.

Стаття надійшла до редакції 10.04.14